

Мы познакомились с природой юридических отношений, с их составными элементами, с теми фактами, от которых зависит вообще изменение, прекращение и возникновение частных прав; чтобы окончить отдел о праве в субъективном смысле, остается изложить учение о классификации юридических отношений. Все вообще юридические отношения делятся на частные и публичные: такая классификация в настоящее время является общепринятой. Но вопрос об основании такого деления, о тех признаках, по которым можно отличить право публичное от право частного, остается спорным и до наших дней. Самым распространенным учением остается то, которое было сформулировано еще Кантом,⁴² а затем в несколько измененном виде было изложено Пухтой. По мнению Пухты, каждое данное право должно рассматриваться как частное или публичное в зависимости от того, принадлежит ли оно лицу как индивидууму или как члену организованного общества; в первом случае мы имеем дело с правом частным, во втором — с правом публичным; например, мое право собственности принадлежит мне как индивидууму — это частное право; а мое право участвовать в дворянских выборах принадлежит мне как члену дворянского сословия — это публичное право; точно так же публичным является, например, право француза или англичанина выбирать представителей в парламент, так как оно принадлежит ему как гражданину конституционного государства; в обоих названных случаях лицо обладает правом как член известного общественного целого. Напротив, в сфере частного права лицо действует по собственному праву, а не по праву какого-нибудь общественного целого.

Однако такое объяснение Пухты вызывает существенные возражения. Как уже неоднократно было выше сказано, не существует вообще прав, которые принадлежали бы лицу как изолированному индивидууму; все права, в том числе и частные, принадлежат лицу по отношению к другим лицам, по отношению к обществу. В изолированном состоянии человек не имеет вообще никаких прав; поэтому нельзя говорить о частном праве, что оно принадлежит человеку как изолированному индивидууму. Далее, учение Пухты неосновательно еще и потому, что носителем частных прав может быть не только отдельный человек, но и общество и государство; когда, например, государство заключает с каким-нибудь подрядчиком договор о поставке сухарей в армию или заказывает частному заводу пушки, то здесь мы имеем, несомненно, частно-правовое отношение, и государство является здесь по отношению к заводчику и подрядчику субъектом частного права, несмотря на то, что оно действует по праву целого. Значит, деление прав на частные и публичные не зависит от того, кто является их субъектом.

В противоположность мнению Канта и Пухты, Савиньи и Шталь видят основание этого деления прав в различии целей, которым служит то или иное право; если целью права является то или другое социальное целое (сословие, народ, государство), то такое право должно быть, по мнению Савиньи, признано правом публичным; если же целью

права является индивидуум, то это — право частное. В праве государственном, которое является частью права публичного, государство есть цель — здесь человек играет второстепенную роль по отношению к государственному целому; в праве частном, наоборот, индивидуум есть цель, а государство — средство. В этом, по Савиньи, и заключается различие между правом публичным и правом частным.

Это учение при ближайшем рассмотрении также оказывается несостоятельным: можно указать много случаев, где цель правомочия является целью общественной, а правомочие тем не менее носит характер частного права; например, общество железных дорог, несомненно, преследует публичные цели; однако оно ради этих целей вступает в целый ряд частно-правовых отношений (например, с подрядчиками, рабочими и т. п.). Наконец, эта теория Савиньи, как и теория Пухты, не объясняет нам, каким образом государство может быть субъектом частного права: когда государство заказывает пушки, то мы имеем дело с общественной целью — удачное исполнение заказа может иметь влияние на судьбы целой армии; однако, несмотря на общественный характер цели, мы имеем здесь случай частно-правового отношения государства к пушечному заводу. Значит, частное право отличается от публичного не по цели, которой служит то или иное право; мы должны поэтому искать других оснований для данного деления.

Единственным основанием для деления прав на частные и публичные является характер самого правоотношения между отдельным лицом и тем или другим социальным целым. Всякое право, будь то частное или публичное право, заключает в себе отношение какого-нибудь лица не только к другим лицам, но и к социальному целому, общественному или государственному организму: например, мое частное право на дом заключает в себе не только притязание, обращенное ко всем людям, чтобы они не нарушали моего права, но также и требование, чтобы определенное государство охраняло мою собственность. В зависимости от того, каково отношение лица к социальному целому в каждом конкретном случае, право будет частным или публичным. Для существования всякого общественного организма, в частности государства, требуется, чтобы целое господствовало над частью, чтобы общество господствовало над личностью. Где нет такого господства, с одной стороны, и подчинения — с другой, там не будет ни права, ни организованного общества, а будет анархия. Но подчинение лица государству должно иметь известные границы: лицо должно подчиняться государству лишь постольку, поскольку это необходимо для осуществления целей социального организма, для его существования и процветания. Безграничное господство государства над личностью равнялось бы полному рабству индивидуума, а такое бесправие вовсе не нужно для целей общества: господство государства над личностью не простирается на все стороны существования личности, а только на некоторые его стороны — у всякого свободного лица есть сфера, где оно является независимым. Те права, где индивидуальное лицо является самостоятельным субъектом права, есть права частные, а те права, где отдельное лицо фигурирует как

подчиненная часть социального целого, — права публичные.

При таком толковании те затруднения, с которыми сталкиваются учения Пухты, Савиньи и Шталя, не представляются непреодолимыми. Это объяснение делает понятным, почему государство может быть субъектом частного права: до известных пределов государство господствует над личностью и имуществом каждого из нас — все мы должны отбыть воинскую повинность, платить подати и т. д., — здесь государство осуществляет свое публичное право, а мы осуществляем наши публично-правовые обязанности. Но это право государства не простирается ни на всю нашу личность, ни на все наше имущество. Для осуществления публичных целей государства вовсе не требуется, чтобы отдельное лицо отдавало ему весь свой труд, все свое имущество: для этих целей не требуется, например, чтобы подрядчики ставили даром сухари для армии, заводы отливали даром пушки и т. д. В известных пределах отдельные лица являются полными хозяевами своего имущества и своего труда. Все граждане одинаково обязаны отбывать повинность и платить налоги в пользу государства; если же государство потребует от известных лиц, например от подрядчика или владельца пушечного завода, каких-либо услуг сверх того, что они обязаны делать для него как подданные, то оно должно за это платить; а заплатить — значит признать, что в данном случае и подрядчик, и владелец пушечного завода являются по отношению к государству вполне самостоятельными субъектами прав, которые могут отдать или не отдать ему свой труд и свое имущество, могут оказать или не оказать ему известные услуги. Здесь государство не совершает акта господства над лицом, а договаривается с ним. А где государство вступает в договор с лицом, пользуется его услугами, оказывая ему взамен того равноценные услуги, там и само государство фигурирует как субъект частного права.

Каковы же вообще пределы господства государства над личностью? Эти пределы не представляют неподвижной величины: в процессе исторического развития они беспрестанно изменяются; поэтому многие отношения, являющиеся в данную эпоху отношениями частноправовыми, могут впоследствии приобрести публично-правовой характер, и наоборот. Сфера частного права в Древней Греции была несравненно уже, чем в наше время: так, спартанский гражданин не мог продать принадлежащего ему участка земли, так как земля считалась собственностью государства, а граждане считались только пользователями, причем за это пользование они платили государству обязательной службой. Наоборот, в Средние века сфера частного права была несравненно шире, чем в наши дни: само территориальное верховенство феодального сюзерена смешивалось с его частными владельческими правами на землю: в Средние века сами отношения монарха-сюзерена к его вассалам принимали форму частного договора: он покупал их службу, раздавая им земельные угодья. Словом, границы частного и публичного права в действительности беспрестанно изменяются. В истории одни эпохи характеризуются преобладанием начала индивидуальной свободы, другие же, напротив того, характеризуются преобладанием целого над частью, стеснением

индивидуальной свободы в пользу общества; соответственно с этим публичное право то совершает захваты из области частного права, то наоборот. Чтобы различать в каждом данном случае, что относится к той и к другой области, следует помнить, что частное правоотношение есть то, где частное лицо фигурирует как самостоятельный субъект права; публичное правоотношение, напротив, есть то, где частное лицо фигурирует лишь как подчиненная часть социального целого. Из этого определения нетрудно вывести все вообще особенности как частного, так и публичного права.

В области частно-правовых отношений частное лицо является самостоятельным распорядителем своего права. Будучи субъектом частного права, я свободен пользоваться моими правами или нет, сохранять их за собой или передавать другому лицу. Вообще нормы частно-правового характера не дают указаний, как индивидуум должен пользоваться предоставленными ему правами, а лишь полагают ему известные пределы, причем в этих пределах отдельное лицо вполне самостоятельно. Положим, я владею домом. Конечно, государство кладет определенные границы моему господству над домом; я обязан платить казенные и городские налоги, не должен нарушать строительного устава; я должен принимать предохранительные меры против пожара, соблюдать известные гигиенические условия. Здесь мое частное право ограничено определенными нормами; но в очерченных этими нормами пределах я являюсь совершенно самостоятельным и независимым субъектом права. Право не определяет, должен ли я жить сам в своем доме, или отдавать в найм, или, наконец, пожертвовать его на какое-нибудь благотворительное учреждение. В сфере частно-правовых отношений главная функция правовых норм заключается в обеспечении лицу мирного пользования известной сферой внешней свободы.

Совсем иное положение занимает частное лицо в публичном праве: тут оно не является самостоятельным распорядителем своего права. Юридические нормы определяют саму цель, которой должны служить публичные права, а цель эта — всегда общественная, публичная. Я не могу отказать другому или уступить сословных прав, например прав дворянства, потому что мое дворянское званье не составляет частного достоинства оно принадлежит мне как члену дворянского сословия. Точно так же губернатор не может передать своей губернаторской власти кому-либо другому, потому что его право не есть частное достоинство. Цель, которой служит частное правомочие, зависит от доброй воли самого лица — правообладателя, тогда как цель правомочия публичного заключается в выполнении лицом известных общественных обязанностей. Потому нормы публичного права точно определяют, как лицо должно пользоваться своими правами, причем оно не может ими не пользоваться; губернатор, например, не может не пользоваться своим правом управлять губернией; ротный командир не может не пользоваться своим правом командовать ротой; профессор не может не пользоваться своим правом читать лекции. Обязанность пользоваться правами присуща большей части публичных прав, тогда как по отношению к частному праву такой обязанности не существует.

Из самого существа публичного права вытекает, что субъектами всякого публичного правомочия являются непременно два лица — тот или другой индивидуальный носитель правомочия и то социальное целое, в права коего облекается индивид. В каждом публичном правомочии субъектом непременно является, во-первых, та или другая общественная группа, во-вторых, индивид, через которого социальное целое осуществляет свои права. Когда я пользуюсь моим правом избирать дворянского предводителя, субъектом права являюсь не только я сам, но и дворянское сословие в моем лице; когда я заседаю в суде в качестве присяжного заседателя, государство в моем лице творит правосудие. В праве частном такое раздвоение субъектов права так же возможно, но и необходимо. В праве частном физическое лицо также может действовать через представителя (например, через поверенного), но оно может действовать и по собственному праву, тогда как в праве публичном физическое лицо всегда является выразителем права социального целого.

Из сказанного выше вытекают некоторые особенности публично-правовых институтов по сравнению с частно-правовыми. Так, с точки зрения вышеизложенного определения легко объяснить, почему в публичном праве закон имеет обратное действие, а в праве гражданском оно его не имеет. В публичном праве отдельное лицо не является самостоятельным субъектом права; за ним стоит общество, государство, по праву которого действует лицо; вот почему государство всегда может упразднить публичное правомочие всякого входящего в его состав лица. Напротив, в гражданском праве лицо фигурирует как самостоятельный субъект права: частное правомочие составляет ту границу, предел, за которую не должно простираться господство государства; вот почему в гражданском праве новый закон не поражает прав, приобретенных при старом законе, т. е. не имеет обратного действия. Другая особенность публичного права заключается в том особом положении, которое занимают юридические лица публично-правового порядка. Юридические лица публично-правового порядка, в отличие от юридических лиц частноправового порядка, не могут прекратить существования по воле их физических представителей. Университет, например, не может прекратить своего существования в силу даже единогласного приговора профессоров и университетских властей, потому что последние служат выразителями не своего частного права, а права государства, которое поручило им управление делами университета и преподавание в нем.

Другой пример, на котором можно наглядно выяснить различие между публичным и частным правом, это — различие в положении сторон в гражданском и уголовном процессе. В гражданском процессе идет спор о частном праве. Положим, я начинаю иск о спорном участке земли или требую от соседа вознаграждения за вред, причиненный им моим владениям. Тут спор идет только о моем частном праве, причем общественный интерес в нем вовсе не замешан; для общества совершенно безразлично, буду ли я или

не буду искать с соседа убытки, прощу его или не прощу. Это — мое частное дело и мое частное право, относительно коего я являюсь вполне самостоятельным субъектом. Вообще во всяких спорах о частном праве частные лица, стороны, играют в высокой степени самостоятельную роль: от них зависит начать процесс или прекратить его в любой его стадии. Иное положение занимают стороны в процессе уголовном. Тут, кроме обвиняемого и потерпевшего, выступает на сцену отличный от них субъект права — общество, безопасности которого угрожает злая воля преступника, посягающего против порядка, установленного общественным авторитетом. Общество не может оставаться равнодушным к факту уголовного преступления. Прощу ли я или не прощу человеку, посягнувшему на мою жизнь или причинившему мне увечья, — обществу до этого нет дела: оно не может допустить, чтобы безнаказанно совершались преступления, — иначе воцарится анархия и наступит конец обществу. В уголовном деле необходимо присутствует публично-правовой элемент — общественный интерес, тогда как в гражданском процессе этот интерес отсутствует: вот почему стороны не могут играть в нем той самостоятельной роли, которая составляет особенность процесса гражданского. Уголовные дела, правда, могут начинаться и по жалобе потерпевшего лица, но они могут начаться и без всякой жалобы, по инициативе уполномоченных на то органов власти. Раз начат уголовный процесс, он уже не может прекратиться вследствие примирения сторон.